

LA VOIE SACRÉE

Вячеслав Осиновских

Вячеслав Осиновских

La Voie Sacrée

«Автор»

2026

Осиновских В.

La Voie Sacrée / В. Осиновских — «Автор», 2026

Возлюбленный герой нации, маршал Филипп Петен, в годы Второй мировой войны превратился в презренного предателя-коллорабациониста, практически без боя сдав Францию врагу, а затем и вовсе был осужден и приговорен к смертной казни, которую ему в силу преклонного возраста и за почти позабытые всеми военные заслуги сменили на заточение на острове Йё. Никто не знает, да никто никогда и не интересовался его последними днями, кроме капеллана Жана Родена, которого отправили ухаживать за ним в самом конце его Священного пути...

© Осиновских В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Порт-Жуанвиль, Иль-д'Йё	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вячеслав Осиновских

La Voie Sacrée

Это великая историческая драма, а исторические драмы не имеют конца...

Бригадный генерал де Голль

Меня одного будет судить история...

Маршал Франции Петен

Порт-Жуанвиль, Иль-д'Йё

29 июня 1951

Я хорошо помню этот день, когда ступил на земли изгнания острова Йё. У меня была особая миссия, неисполненная почета, которой не хотел, пожалуй, никто. Но мое служение не позволяло отказаться от нее; да я и не стал бы, считая важным все, что происходило в моей жизни.

Жизненный путь не должен быть прямым и может быть преисполнен терна, и никакую судьбу не опишешь на бумаге наперед. Знал ли я тогда, как поменяют меня эти дни, о которых едва ли вспомнит история...

Жара... Меня приютил одурманивающий зной, а встречали военные. Небольшая, несерьезная в масштабах едва закончившейся войны, группка солдат, базировавшихся в Порт-Жуанвиле, лишь затем, чтобы не допустить побега пленника – позабытого жалкого старика.

Но он не был таким, когда я увидел его в первый день. Старый маршал сидел в просторной библиотеке, окруженный хаотично разбросанными бумагами и безделушками, вместо закладок лихорадочно разваленным по открытым книгам, и что-то сосредоточенно писал. Он не сразу услышал, что кто-то вошел, а, возможно, просто был недоволен, что его прервали, но все-таки через какое-то время отложил бумаги и посмотрел на меня.

Не оценивающе. Не свысока. С толикой интереса.

- Маршал Петен, - обратился я к узнику, - позвольте представиться: меня зовут Жан Роден.

- Говорите громче, месье, а то я что-то уже совсем мало слышу.

- О, я не месье, - уже громче сказал я, - Я всего лишь капеллан, - с излишней для «всего лишь» гордостью сказал я. Маршал понимающе ухмыльнулся.

- Капеллан, говорите? Что ли вас прислали отпустить мне все грехи, словно считают возможным отмыться от всей излитой на меня грязи, за то короткое время, что остается мне до смерти? Или, может, они просто хотят, чтобы вы сопровождали меня в тот самый путь, последний, чего так жаждут мои бесчисленные хулители?

Я задумался.

- Я не вхожу в их число.

- Полноте, капеллан, не стоит начинать знакомство со столь откровенной лжи.
- Но я лишен такого умения – лгать.
- Что же вы чувствуете подле предателя и изменника? Уже хочется начать говорить со мной о прощении? – ворчливо спросил старик.
- Лучше о том, что в мире мало чего-то однозначного.

Маршал поднял глаза и принялся с интересом меня разглядывать.

- Неожиданные речи для священника.
- Отнюдь, маршал.
- Кто же прислал вас? Капитан?
- Какой капитан? – не понял я.
- Шарль. Шарль де Голль.
- Почему вы так его называли? – удивился я.
- Не потому, что я совсем изживший из ума старик, конечно, нет, - довольно хохотнул тот,
- просто поймите, любой учитель всегда помнит ученика... любимого ученика таким, каким встретил его впервые.
- Мне кажется или тогда он был младшим лейтенантом?
- Ваша правда. Не ожидал, что вам это известно, капеллан, - проговорил он с неожиданным уважением, - так все же: для чего вас ко мне приставили?

30 июня 1951

Несмотря на то, что маршал передвигался с огромным трудом, он сохранял горделивость, ожидаемо присутствующую у исторической личности. Я не чувствовал в нем большой жажды жить, хотя и понимал, что доживи я до таких лет, я бы только и ждал найти место и час для присужденной мне смерти.

Старик вставал очень рано – гораздо раньше, чем я, никогда не славившийся поздними пробуждениями. Рано утром он уже сидел за книгами в простой немного нелепой накидке, о чем-то разговаривая сам с собой, потом, наконец, обращал на меня внимание, осознавая, что я пристально наблюдаю за ним, поднимал бровь – его фирменное, - и неизменно спрашивал, какая сегодня погода.

И, также неизменно выходил на прогулку, какой бы ответ не получал. Я аккуратно поддерживал его, чувствуя, впрочем, что он еще весьма силен. Потом он несколько часов проводил обычно в тишине, прислонившись к дереву – именно его образ, которым лет десять спустя я поделился с одним великим писателем, стал прообразом Хосе Аркадио Буэндиа в его каштановом плену.

Вот и маршал у неизменного древа был в заточении у призрачных воспоминаний, эдакого черно-белого кино, все также тихо беседуя с самим собой, а – иногда – представляя себя там, на полях сражений, где он снискал свою славу. Тут он действительно дышал и всегда неизменно смотрел на северо-восток.

- Вы бы хотели снова увидеть Париж, маршал? – предположил я, в первый раз проследив за его взглядом. Он задумался.
- Нет. Па-де-Кале, деревню Коши-а-ля-Тур. Там бы я хотел побывать перед смертью. Да-а-а...

Я слегка повернул и подвинул его.

- Теперь вы смотрите туда, куда желаете, маршал.

- Верно. Мне даже чудятся запахи родного дома.

Первое июля 1951

Днем, едва поев, он уходил спать до самого вечера, как умеют только младенцы, да старики. А я прислушивался к его дыханию – всегда хриплому, явно и неумолимо предвещавшего скорую смерть. В этот день я впервые столкнулся с кошмаром – когда он, будучи в пограничной власти сна, вдруг вскочил в своей нелепой накидке, отмахиваясь от моих попыток уложить его обратно.

- Голые блудницы танцуют, прости Господи, - в безумии шептал он, - танцуют... блудницы... голые...

Я так и не узнал, что с ним происходило в такие моменты: просыпаясь, он уже совершенно ничего не помнил, так что тайна танцующих блудниц так и осталась его секретом.

До ужина он всегда ходил на «смотры» - так он называл обход «своих» солдат-тюремщиков, сопровождая визиты едкими комментариями, большая часть из которых касалась их бездарности («просто так что ли вас сюда отправили, сторожить будущего мертвеца, на остров, с которого нет выхода?»). Солдаты, впрочем, нисколько не смущались и не обижались на шутки старика – тем более, им все равно было запрещено с ним разговаривать. Такую милость оставили только мне.

- А вы, капеллан, вы думаете почему я все время говорю сам с собой, - продолжал веселиться он, - все потому, что надо же открывать рот не только для еды и подтрунивания над бедными несчастными, которым не суждено, возможно, увидеть войну. Да-а-а, - протянул вдруг он, - возможно, раз так, то не такие уж они и несчастные. Раз так...

За ужином он вновь и вновь преображался, расспрашивая меня обо всем на свете, живо интересуясь каждой совершенно неинтересной мелочью моей жизни. Он задавал такие вопросы, отвечая на которые я и сам многое открывал о себе – позабытое за годы служения, которое я однажды избрал.

- Маршал, я думал, что должен был слушать вас, а получается, что это вы только и делаете, что слушаете мою болтовню.

- А чего ради мне слушать себя? Я все про себя знаю, - сварливо отвечал он.

- Поймите меня правильно... но, быть может, вам хотелось бы высказаться.

- Исповедаться?

- Я не вправе проводить исповедь, - отрезал я.

- Ну вот видите, вас отправили на миссию, которую вы априори не сможете выполнить.

И знаете что, капеллан?

- Что же?

- В этом вся наша жизнь.

Второе июля 1951

По вечерам маршал запирался в своей библиотеке и никого туда не пускал, игнорируя мои возражения, мол я тут, чтобы, если что, помочь ему.

- И что вы сделаете? – отмахивался старик, - вытащите меня с того света? Ни у кого уже не хватит на это сил, покуда я там одной ногой, и лишь мое сознание упрямо отказывается

толкнуть меня дальше. Так что, капеллан, не нужно переживать, если не сможете сослужить мне хрупким мостиком назад в реальность.

Мягко выдворяя меня из кабинета, он шаркал к книгам, неизменно каждый день приговаривая:

- Да и кто расстроится, едва услышит весь о моей долгожданной кончине?

К тому времени я уже отчетливо понял, что переубеждать маршала было совершенно бесполезно.

Но перед сном он все же позволял мне помочь с вечерним туалетом, после чего ложился спать. Я все эти дни дремал в кресле неподалеку, то и дело предательски прислушиваясь к его хрипам, кашлю и храпу, периодически перемежавшимся с апноэ. Тут стало понятно, почему он умудрялся вставать ни свет, ни заря: в какой-то момент ему становилось уже совсем неудобно перемещаться по границе между сном и явью, он бросал это дело и вскакивал навстречу новому дню.

- Что вам снится, маршал? – спросил я, уже зная ответ.

- Верден. Всегда один лишь Верден.

- Каково было там?

- О, я не знаю, как нам удалось тогда выжить... Также как даже врагу я бы не пожелал оказаться там в то время, так и себе желал бы встретить смерть именно тогда и там.

- Неужели вы раскаиваетесь в том, что сделали тогда для Франции? В том, что было после? Разве было бы лучше для многих, погибни вы там?

Он промолчал.

Третье июля 1951

Глядя на старика, я не мог позволить себе пытаться его про последние десять с небольшим лет. Даже когда он вдруг сам начинал размышлять об этом, он быстро сникал и находил другую тему.

- Как там моя Франция?

- Восстанавливается.

- Хм... как-то вы это неуверенно сказали, капеллан.

- Многие недовольны.

- О, если вы однажды встретите довольного француза, который не кричит: «la Révolution!», - вы утратите саму Францию.

- Жаль, что генерал де Голль не у власти.

- Думаете, при нем было бы лучше?

- Не мое дело лезть в политику. Но одно я знаю: людям после ужасной войны нужна решительность, а не бесконечная демагогия.

- Политика это всегда демагогия. А если и нет, то горе тому, кто у власти – так и недолго прослыть диктатором.

- О чем вы жалеете, маршал?

- Я же уже вам говорил: что не погиб на полях Вердена. А теперь только и жду, когда обрету там покой.

- Почему для вас это так важно?

Он задумался.

- Вижу в этом что-то мистическое. Оскал судьбы. Возвращение туда, где все началось.
- И повернуло не туда? – вдруг спросил я, чувствуя, что он не был достаточно откровенен.
- Да нет же, Господи, конечно же нет! – немного вспыхнул он. Потом также быстро остыл и добавил: - После этого случилось столько всего... знаете, победа сделала нас жирными.

На этих словах он засобиравшись на дневной сон, а я крепко задумался над его словами.

Четвертое июля 1951

Погода, о которой маршал по ежеутреннему обыкновению спрашивался, неумолимо портилась: приближалась гроза и продувавшие остров насквозь ветры уже не приносили прохлады, столь спасительную в жару. Маршалу становилось хуже – я во всем винил погоду, ведь во всем остальном девяностопятилетний старец был еще вполне полон сил, особенно если отбросить периоды его забвения, когда он, казалось, уже делал слишком много шагов по тому пресловутому мостику с реальностью. Как бы то ни было, сегодня было особенно тяжело.

Маршал почти не спал ночью, у него был жар, несомненно близилась лихорадка, а он все время, постоянно вскакивал: отдавал приказы, беседовал с разными людьми, принимая то одного, то другого визитера, а в промежутках между этим что-то непонятное говорил мне. Я старался даже отвечать ему, будучи совершенно неуверенным, что говорит он мне реальному, а не путает с кем-то из грез его прошлого. То и дело он то побеждал каких-то злобных пруссаков, то обещал Франко, что Франция не выступит на стороне коммунистов, то заискивающе общался с безымянным австрийцем, плохо скрывая свое отвращение, то спрашивался о настроении солдат в минуты затишья.

Утром он был совершенно разбит, но упрямо проковылял к привычному дереву. Облокотившись об него и закрыв глаза, он вдохнул воздух прохлады, опоясавшей остров после короткого ливня. Я подошел к дереву и подражая маршалу оперся об него.

- Вот скажи, мой любезный Жан, кем я предстаю перед тобой?

Я задумался.

- Человеком, - просто ответил, наконец, я. Он рассмеялся.

- Что ж, сильное слово, чертовски сильное, - немного погодя пробормотал он, - сильное и многозначное. Но, а как вы оцените то, что творит человечество вот уже полвека?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.